
ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII вв.

Русская литература

УДК: 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2024.02.10

ПЧЕЛОВ Е.В.¹ ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ МОГЛА БЫТЬ НАПИСАНА БАСНЯ КНЯЗЯ А.Д. КАНТЕМИРА «ЯСТРЕБ, ПАВЛИН И СОВА»?²©

Аннотация. Статья посвящена анализу одной из басен князя А.Д. Кантемира «Ястреб, павлин и сова», написанной, как установлено исследователями, в 1735 г. По всей видимости, поводом для ее написания послужило назначение одним из кабинет-министров при императрице Анне Иоанновне графа П.И. Ягужинского. До своего назначения Ягужинский был коллегой Кантемира по дипломатической службе. Еще ранее он являлся первым генерал-прокурором в истории России, назначенным на эту должность Петром Великим. Бывшая служба Ягужинского в должности генерал-прокурора могла повлиять на его ассоциативную связь с образом бдительной совы, не спящей по ночам. Ястреб же в басне Кантемира мог символизировать генерал-фельдмаршала Х.А. Миниха, которому удалось стать одним из кабинет-министров только в 1740 г.

¹ **Пчелов Евгений Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археологии РГГУ; dep_kvsid@rggu.ru

© Пчелов Е.В., 2024

² Текст написан на основе одноименного доклада, сделанного на Межвузовской научной конференции «Разговоры о множестве миров Антиоха Кантемира (второй пир у Кантемира)» (Филологический факультет МГУ, ИФИ РГГУ, Гуманитарный клуб «Intrada») 22 сентября 2018 г.

*По какому случаю могла быть написана басня князя А.Д. Кантемира
«Ястреб, павлин и сова»?*

Ключевые слова: А.Д. Кантемир; басня; Кабинет министров; эпоха Анны Иоанновны.

Для цитирования: Пчелов Е.В. По какому случаю могла быть написана басня князя А.Д. Кантемира «Ястреб, павлин и сова»? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2024. – № 2. – С. 142–152. – DOI: 10.31249/lit/2024.02.10

PCHELOV E.V.¹ On what occasion could Prince A.D. Cantemir's fable *The Hawk, the Peacock and the Owl* have been written?[©]

Abstract. The article is devoted to the analysis of one of Prince A.D. Cantemir's fables *The Hawk, the Peacock and the Owl*, written, as established by researchers, in 1735. Apparently, the reason for writing it was the appointment of Count P.I. Yaguzhinsky as one of the Cabinet Ministers under Empress Anna Ioannovna. Prior to his appointment, Yaguzhinsky was Kantemir's colleague in the diplomatic service. Even earlier, he was the first Attorney General in the history of Russia, appointed to this post by Peter the Great. Yaguzhinsky's former service as Attorney General could have influenced his associative connection with the image of a vigilant owl that does not sleep at night. The hawk in Cantemir's fable could symbolize Field Marshal General H.A. Münich, who managed to become one of the Cabinet Ministers only in 1740.

Keywords: A.D. Cantemir; fable; Cabinet of Ministers; the era of Empress Anna Ioannovna.

To cite this article: Pchelov, Evgeny V. "On what occasion could Prince A.D. Cantemir's fable *The Hawk, the Peacock and the Owl* have been written?", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2024, pp. 142–152. DOI: 10.31249/lit/2024.02.10 (In Russian)

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744), как известно, написал шесть басен. Это «Огонь и восковой болван», «Пчельная матка и змея», «Верблюд и лисица», «Ястреб, павлин и

¹ **Pchelov Evgeny Vladimirovich** – Candidate in History, associate professor at the Russian State University for the Humanities; dep_kvsid@rggu.ru

© Pchelov E.V., 2024

сова», «Городская и полевая мышь» и «Чиж и снегирь». Басни, как и другие поэтические произведения Кантемира, не были опубликованы при его жизни, а увидели впервые свет лишь в 1762 г. в издании Императорской Академии наук «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни», подготовленном И.С. Барковым и напечатанном на личные средства И.И. Тауберта.

Время создания басен стало известно благодаря архивной находке известного историка академика А.А. Куника. Он обнаружил список с подлинной рукописи стихотворений Кантемира, сделанный при Академии наук в 1755 г. [Сочинения ... , 1867, с. VI]. Этот сборник имеет заголовок «Сатиры и другие стихотворные сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями» и восходит к «рукописному сборнику, составленному Кантемиром незадолго до смерти (в марте 1743 г.)» и посланному камергеру Михаилу Илларионовичу Воронцову «для представления Елизавете Петровне и, в случае благоприятной резолюции императрицы, для последующего издания» [Кантемир, 1956, с. 435]. Исследователь творчества Кантемира З.И. Гершкович назвал этот список Академическим, в настоящее время он хранится в архиве Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома).

Согласно этому списку, т.е. личному свидетельству самого Кантемира от 1743 г., «следующие басни составлены в подражание Езоповым. Первые 4 писаны в Москве в начале 1731 года. Приличнее показалось такие сочинения назвать *баснями*, чем *притчами*, ибо по-гречески *притчи* *paroimiai*, а Езоповы басни *modoi* (*мифой*) названы» [Кантемир, 1956, с. 230]. Из этого примечания вроде бы следует, что эти четыре басни – «Огонь и восковой болван», «Пчельная матка и змея», «Верблюд и лисица» и «Ястреб, павлин и сова», т.е. они и были написаны в Москве в начале 1731 г.

Пятая басня – «Городская и полевая мышь» – «переведена в Лондоне в 1738 г. из Горациевой в сат. VI, книги II, который ее занял у Езопа, хотя в нынешнем собрании Езоповых притч не находится» [Кантемир, 1956, с. 231].

О том, когда написана шестая басня, Кантемир в своих примечаниях не сообщает.

Датировка басни «Ястреб, павлин и сова» 1731 г. была, таким образом, принята в издании 1867 г., в котором она и была опубликована наряду с другими стихотворными творениями князя [Сочинения ... , 1867, с. 329–330, 333–334].

Однако впоследствии оказалось, что эта датировка неточна. З.И. Гершкович обратился к так называемой Курбатовской рукописи – «отрывкам из рукописного сборника с пометками, сделанными рукою Кантемира», хранящимся среди автографов Кантемира в рукописном отделении Публичной библиотеки в Петербурге (ныне – РНБ). Эта рукопись была названа З.И. Гершковичем Курбатовской потому, что она была представлена П.А. Курбатовым в 1811 г. в Общество любителей российской словесности при Московском университете [Кантемир, 1956, с. 438, 502]. Тексты, в ней зафиксированные, представляют собой предшествующие редакции произведений Кантемира, по сравнению с Академическим списком.

По свидетельству З.И. Гершковича, «в “Примечаниях на басни”, содержащихся в Курбатовской рукописи, указано, что первые три басни написаны в Москве в 1732 г., а четвертая «писана в Лондоне в 1735 году». Указанная в Курбатовской рукописи дата создания первых трех басен (1732) ошибочна; Кантемир 1 января 1732 г. уехал из Москвы за границу¹. Подлинной датой сочинения этих басен следует признать 1731 г., как указано в Академическом списке. Что же касается четвертой басни, то, вопреки указанию Академического списка, она была создана не в 1731, а в 1735 г., как утверждает в Курбатовской рукописи. Доказывается это между прочим и тем фактом, что первые три басни встречаются изредка в сборниках, заключающих произведения Кантемира, написанные им до отъезда за границу, тогда как четвертая басня в этих списках не попадает. Относительно пятой басни в Курбатовской рукописи нет никаких хронологических указаний. В Академическом списке она приурочена к 1738 г., что, по-видимому, и соответствует истине. Наконец, шестая басня может быть датирована лишь приблизительно. Прямых указаний самого Кантемира нет. Из того обстоятельства, что она отсутствовала в составе Курбатов-

¹ Он был назначен резидентом (русским дипломатическим представителем) в Лондоне.

ской рукописи, но вошла в Академический список, следует заключить, что она, вероятно, была написана не ранее конца 1740 и не позднее марта 1743 г. Мотивы басен заимствованы Кантемиром у Эзопа, но содержание их, как это в ряде случаев установлено исследователями, приноровлено к конкретным историческим событиям, современным русскому поэту» [Кантемир, 1956, с. 467].

Итак, время написания басни «Ястреб, павлин и сова», по всей видимости, относится к 1735 г.

Обратимся к ее тексту и к примечаниям, сделанным самим автором:

Говорят, что некогда птичий воевода
Убит быв, на его чин из воздушна рода
Трое у царя орла милости просили,
Ястреб, сова и павлин, и все приносили,
Чтобы правость просьбы явить, правильны доводы.
Ястреб храбрость представлял и многие годы,
В которых службы на ся военной нес бремя;
Сова сулила не спать век в ночное время;
Павлин хвастал перьями и хвостом пригожим.
Кто, мнишь, казался царю в воеводск чин гожим? –
Сова; ястребу отказ, отказ и павлину.
Орел, своего суда изъяснив причину,
Сказал, что ястреб, хоть храбр, хоть и многи леты
В военной службе служил, достойно приметы
Ничего не учинил, почему уж мало
И впредь плода ожидать: в ком бо славы жало
С молодых лет не действует – седина бесплодна;
Что павлину перья так, как и гордость, сродна;
А сова нравом тиха, ссор она напрасно
Не ищет, знает себя защищать согласно
Своим силам, когда кто вредить ей желает;
Недремно та бодрствует, пока унывает
Прочее племя во сне. Таков воевода
Годеи к безопасности целого народа.

[Кантемир, 1956, с. 225]

Примечания Кантемира к отдельным строкам:

Ст. 1. *Воевода*. Начальник войска, фельдмаршал.

Ст. 2. *Из воздушного рода*. Из птиц, сиречь, понеже воздух обитают.

Ст. 16. *Славы жало*. Славы любовь, склонность та, которая нас к трудам ободряет в надежде получения чрез них себе славного имени.

Ст. 18. *Что павлину перья так, как и гордость, сродна*. Что перья павлину никакого достоинства не придают, понеже они дар природы, а не трудами своими добыты. К тому ж та, без трудов, от самой своей природы данная ему красота его гордым делает. Сим стихом стихотворец означает дворян спесивых, которые, кроме своего знатного имени, которая украса им от предков доставлена, никакого собственного достоинства не имеют.

Ст. 22. *Недремно та бодрствует, пока унывает*. Не туды совет клонится, чтоб народа начальникам ночь не спать, но чтоб бодрствовать о благосостоянии народном гораздо больше своих подчиненных [Кантемир, 1956, с. 230–231].

Согласно примечаниям в Курбатовской рукописи эта басня «сначала учреждена была заключить вторую сатиру, но потом автор отменил свое мнение» [Кантемир, 1956, с. 469]. Вторая сатира «На зависть и гордость дворян злонравных» (первоначальная редакция датируется временем около 1730 г., окончательная редакция сложилась к началу 1743 г.), по признанию самого Кантемира, ставила целью «обличить тех дворян, которые, лишены будучи всякого благонравия, одним благородием хвастают, и к тому завидят всякому благополучию в людях, кои чрез свои труды из подлости в знатную степень происходят» [Кантемир, 1956, с. 77]. Однако в самой басне эта идея может быть связана лишь с образом павлина (ср. примечание Кантемира к 18 строке), в то время как содержание произведения в целом гораздо шире и глубже.

Поскольку Кантемир сам указывал, что его басни написаны в подражание басням Эзопа, логично обратиться к прототипу. В корпусе Эзоповых басен находится только одна, отдаленно напоминающая сюжет басни «Ястреб, павлин и сова». Это басня «Павлин и галка», которая в современном переводе М.Л. Гаспарова выглядит так: «Птицы держали совет, кого избрать царем, и павлин настаивал, чтобы выбрали его, потому что он красивый. Птицы уже готовы были согласиться, но тут галка сказала: “А если

ты будешь царем и на нас нападет орел, то как ты нас спасешь?”. О том, что не красота, а сила должна украшать правителей» [Басни Эзопа, 1968, с. 126, № 219]. Разумеется, Кантемир пользовался каким-то европейским изданием Эзопа своего времени, но содержание этой басни в нем не могло существенно отличаться от оригинала. В русских переводах Эзопа, осуществленных в XVII в. с греческого, немецкого и польского языков, содержание басни аналогично (за исключением того, что вместо галки может выступать сорока) [Тарковский, Тарковская, 2005, с. 34, 227, 274, 319–320, 382], а в «эзоповых притчах», переведенных с латинского и изданных в 1700 г. в Амстердаме и затем в 1712 г. в Москве, эта басня вовсе отсутствует.

Совершенно очевидно, что басни Эзопа служили лишь самой общей основой для басен Кантемира, развивавшего и перерабатывавшего их сюжеты, создавая тем самым абсолютно оригинальные произведения. Не говоря уже о кардинально разной сути эзоповского «прототипа» и басни Кантемира, их роднит разве что образ павлина (понимаемый по-разному) да самый факт выбора среди птиц (который также различен: у Эзопа царя выбирает птичий народ, у Кантемира – воеводу сам царь). По логике басни Эзопа орел у Кантемира должен был бы выбрать ястреба, а не сову, однако речь в русской басне идет не о военной защите народа в случае нападения извне, а о внутренней безопасности. В этом контексте красота и гордость «родовитого» павлина и вовсе уходит на второй план.

Уже издатели Кантемира второй половины XIX в. справедливо усматривали в баснях поэта аллюзии на актуальные политические события Аннинского царствования. Так, В.Я. Стоюнин, считая первые четыре басни Кантемира написанными в начале 1731 г., полагал их «ничтожными в художественном отношении, но заслуживающими внимания по своему политическому смыслу» [Сочинения... , 1867, с. LXIX]. Басню «Ястреб, павлин и сова» он трактовал следующим образом: «Речь идет об избрании министров в императорский кабинет, который должен был заменить Верховный тайный совет. Он был так немногочислен, что в члены его не попали многие, которые по своему положению могли бы надеяться занять в нем место. Императрица предпочла всем только троих: великого канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остер-

мана и князя Черкасского». Далее, давая каждому из них характеристику, Стоюнин делает несколько неожиданное заключение: «Не будет натяжки отнести ко всем им имя совы, которую Кантемир вводит в свою басню, отдавая ей предпочтение перед ястребом и павлином», которые символизируют военных людей и «гордых дворян» [Сочинения... , 1867, с. LXXII–LXXIII]. Итак, по мысли Стоюнина, сова представляет собой собирательный образ сразу всех членов императорского кабинета (людей, к слову, абсолютно разных по своим способностям и возможностям, один из которых к тому же принадлежал к древней родовой титулованной аристократии, другой – к старинному русскому дворянству и родственникам царской семьи, и только А.И. Остерман, что называется, «сделал себя сам»). Однако, как справедливо заметил З.И. Гершкович, датировка басни 1735 г. сводит на нет все аналогии Стоюнина [Кантемир, 1956, с. 469].

Что же означает басня на самом деле? Прежде всего, необходимо принять во внимание время написания басни – 1735 год, когда Кантемир был русским посланником в Лондоне, но, конечно, прекрасно знал о делах в России. В те годы, действительно, ведущая роль в государственном управлении страны принадлежала Кабинету Ея Императорского Величества. Этот орган был создан в 1731 г., спустя почти два года после восшествия на престол Анны Иоанновны – события, в котором Кантемир принимал непосредственное участие. Как известно, он был тогда одним из ближайших соратников князя Алексея Михайловича Черкасского (1680–1742), который впоследствии стал одним из трех кабинет-министров (Кантемир даже был женихом его дочери Варвары Алексеевны). Юридическое оформление Кабинета происходило в конце октября – начале ноября 1731 г. [Савельева, 2004, с. 42] и завершилось указом от 10 ноября 1731 г. об учреждении при дворе Ея Императорского Величества Кабинета [Полное собрание законов ... , т. 8, № 5871, с. 552]. Кабинет состоял из трех министров и обладал широкими полномочиями, вплоть до права подписи Именных указов императрицы кабинет-министрами (такая практика юридически была оформлена указом от 9 июня 1735 г. [Полное собрание законов ... , т. 9, № 6745, с. 529], хотя существовала еще с осени 1733 г. [Савельева, 2004, с. 60]). В состав Кабинета входили канцлер граф Гавриил Иванович Головкин (1660–1734), вице-

канцлер граф Андрей Иванович Остерман (1686–1747) и уже упомянутый действительный тайный советник князь Черкасский. В такой последовательности (совпавшей с алфавитной) они были перечислены в соответствующих указах о создании Кабинета, и хотя с формальной точки зрения первенство кого-либо из них не было документально обозначено, считается, что первым кабинет-министром был гр. Головкин. Тем не менее реальная власть в Кабинете принадлежала гр. Остерману, который, собственно, и стал при Анне фактическим главою русского правительства (о нем см.: [Павленко, 2018]).

Такое положение сохранялось вплоть до смерти Головкина в 1734 г. Следующий кабинет-министр был назначен не сразу, а только 28 апреля 1735 г. [Савельева, 2004, с. 72]. Им стал зять Головкина граф Павел Иванович Ягужинский (1683–1736). Судьба Ягужинского была непростой. Сын мелкого литовского шляхтича, органиста лютеранской церкви в Москве, своей карьерой он был обязан исключительно личным способностям. Это был один из тех «птенцов гнезда Петрова», кто, как и Остерман, «сделал себя сам». Венцом его административной деятельности при Петре стало назначение на должность генерал-прокурора Сената. Сама эта должность была учреждена указом от 12 января 1722 г. [Полное собрание законов ... , т. 6, № 3877, с. 479], и Ягужинский, отличавшийся неподкупностью и честностью, стал первым генерал-прокурором в истории России. Он продолжал играть важную роль при дворе и в последующие царствования, но его конфликт с Бироном привел к тому, что в 1731 г. Ягужинский был назначен посланником в Пруссию и отправился в Берлин, став, таким образом, коллегой Кантемира по дипломатической службе. Через несколько лет Ягужинский, однако, был возвращен в Россию. Это произошло во многом усилиями Бирона, который хотел иметь в Кабинете Ея Императорского Величества противовес всесилию Остермана. Отношения Ягужинского с последним были крайне неприязненными. Впрочем, надежды на усиление позиций Ягужинского не сбылись: здоровье его было расстроено, и спустя год после назначения кабинет-министром 6 апреля 1736 г. Павел Иванович скончался.

Вернемся к басне Кантемира. Представляется, что она имеет непосредственное отношение к назначению Ягужинского в Кабинет. В басне идет речь о назначении «воеводы», т.е. главного по-

мощника орла (под которым подразумевается высшая, императорская власть), из трех претендентов. Павлин, как о том пишет сам Кантемир, означает родовитых дворян, лишенных собственных заслуг. Это вполне мог быть собирательный образ. Ястреб – военных. И здесь мог подразумеваться вполне конкретный человек – граф Х.А. Миних (1683–1767), который стремился занять место в Кабинете, но сделать ему это удалось лишь в 1740 г. при регентстве Анны Леопольдовны. Кантемир пишет, что ястреб ничего «не учинил» достойного «приметы», подразумевая, по-видимому, деятельность Миниха на полях сражений. Надо заметить, что в 1734 г. Миних был назначен командующим русскими войсками, осаждавшими Данциг во время Войны за польское наследство (вместо генерал-аншефа П.П. Ласси), однако в силу обстоятельств действовал не слишком быстро и решительно. Возможно, эта ситуация и позволила Кантемиру заключить, что ястреб ничего достойного не учинил в свои годы (Миниху в то время было за пятьдесят) и сложно от него ожидать военных успехов и в дальнейшем (в чем поэт ошибся).

Наконец, сова, которая и стала птичьим «воеводой», вполне можно счесть прямым намеком на графа Ягужинского. В самом деле, сова «бодрствует недремно», охраняя безопасность народа, что вполне соотносится с деятельностью Ягужинского на посту генерал-прокурора. Напомню, что в указе от 27 апреля 1722 г., определявшем обязанности генерал-прокурора, этот чин был поименован «оком Нашим и стряпчим о делах Государственных» [Полное собрание законов ... , т. 6, № 3979, с. 664]. Генерал-прокурор как «око Государево» – тот образ, который логично соотносится с совой, не спящей в ночное время. Простое происхождение Ягужинского, отличающее его от знатных и «спесивых» дворян-павлинов, также подтверждает такое сопоставление. Если полагать, что басня Кантемира действительно была откликом на назначение Ягужинского кабинет-министром, то можно думать, что ее сочинение относится ко времени не ранее апреля 1735 г.

Список источников и литературы

1. Басни Эзопа / перевод, статья и комментарии М.Л. Гаспарова. – Москва : Наука, 1968. – 320 с.

2. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. – Ленинград : Советский писатель, 1956. – 545 с.
3. *Павленко Н.И.* Граф Остерман. – Москва : Проспект, 2018. – 191 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Первое (ПСЗРИ-1). – Санкт-Петербург, 1830. – Т. 6. – 815 с. ; Т. 8. – 1016 с. ; Т. 9. – 1023 с.
5. *Савельева Е.Н.* Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны : дис. ... канд. истор. наук. – Москва, 2004. – 189 с.
6. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. С портретом автора, со статьею о Кантемире и с примечаниями В.Я. Стоюнина / (Редакция изд. П.А. Ефремова). – Санкт-Петербург : И.И. Глазунов, 1867. – Т. 1. – 462 с.
7. *Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. Исследования. Тексты. Комментарии. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – 543 с.